

**Отзыв на магистерскую диссертацию Сергея Сергеевича Полича  
«Служба Воздвижения Креста Господня (критический анализ  
церковнославянского текста)»**

Нет сомнения в важности обращения в выпускных квалификационных работах к гимнографическому наследию Православной Церкви. Писать об этом подробно нет необходимости. Обращение Сергея Полича к богослужебным текстам, звучащим на праздник в честь Воздвижения Креста Господня, заслуживает, безусловно, всяческого одобрения. Как ясно из темы диссертационного исследования, внимание выпускника магистратуры Сретенской духовной семинарии привлекли тексты не на языке оригинала, а в церковнославянском переводе, что вполне понятно и в определенной степени предсказуемо. В результате мы имеем весьма обширный труд, состоящий из 10 глав, предваряющего введения, библиографии и двух приложений.

Цель, которую поставил перед собой С. Полич, если исходить из названия работы, – дать «критический анализ» текста службы Воздвижению Креста Господня. Ответ на законно возникающий вопрос – о каком именно анализе идет речь, читатель вправе искать в тексте работы, в первую очередь – во введении. Действительно, здесь мы видим, что автор, правда в разделе «актуальность исследования», утверждает, что означенная служба «рассмотренна с точки зрения лексики, морфологии и синтаксиса» (с. 4). Что касается формулирования цели диссертации самим автором, то он делает это следующим образом: «Цель исследования – выявить трудные для понимания места церковнославянского канона Воздвижения Креста Господня, с последующим их прояснением – в результате критического анализа»<sup>1</sup>. Но с какой, извините за некоторую тавтологию, целью предпринимается попытка выявления трудных мест и их прояснения? Автор во «введении» прямо не дает ответа. Можно предположить, что речь идет о том, чтобы дать верующим более понятный текст канона. Но С. Полич тут же останавливает наш провидческий пыл, прямо говоря, что «...предложенный как результат критического анализа вариант церковнославянского текста канона Воздвижения не сделает его более понятным...» (с. 10).

Правда, автор полагает, что в его труде есть практическая значимость – собственное исследование ему видится как «...некий тематический свод,

---

<sup>1</sup> Здесь и далее в цитатах не исправляются описки и ошибки, весьма характерные для рецензируемой работы.

касающийся празднуемого события, к которому можно обращаться при подготовке проповедей и слов на праздник...» (с. 10). Но зачем, задавшись целью провести анализ лексики и синтаксиса текста, еще пытаться совершить огромную работу, которая вполне может стать содержанием вполне самостоятельного (-ных) исследования (-ний)?

Не ясно и что именуется автор «трудными местами». Очевидно, что для читателей с разной степенью филологической подготовки или же степенью погружения в богослужебную стихию Церкви эти трудные места будут разными. Возможно, автор рассматривает как «трудные места» те слова и фразы, которые таковыми были отмечены 15 участниками «молодежной организации прихожан храма Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском города Москвы» (с. 235). Однако в реальности мы видим попытку анализа всех ирмосов и тропарей канона, а указания на затруднения молодых прихожан храма в Крылатском привлекаются весьма спорадически... Иногда критерий трудности выглядит следующим образом: «некоторым может показаться» (с. 98). При взгляде на собственно лингвистический анализ текста канона, который начинается на с. 86, видно, что автор исходит, прежде всего, из собственного восприятия текста.

Если перейти от недоумений, которые невольно возникают по отношению ко всей диссертации в целом (и которые еще будут подняты) к собственно «введению», то следует отметить в ней, кроме прочего, отсутствие историографии вопроса. Ей не может быть признан перечень фамилий в одном абзаце с пометой «редкие авторы» (с. 9). Что такое «редкие авторы»?

Почему среди «основных источников» указаны (кроме ныне используемого текста) только издание И. В. Ягича и одна Минея из собрания Иосифо-Волоцкого монастыря (неверно именуемая автором как принадлежащая собранию Троице-Сергиевой лавры)? Или, например, зачем было указывать такой большой список отцов Церкви, будто бы цитируемых в работе, если труды некоторых из них не были вовсе использованы, а некоторые цитируются по вторичным источникам<sup>2</sup>. И следует ли в библиографию помещать учебные пособия (в частности, по греческому языку: В. П. Казанскене, С. И. Соболевского, Э. Черного), если буквальных отсылок к ним в работе не встречается? Или, например, утверждать, что использовался «Словарь русского

---

<sup>2</sup> Напр.: в сносках отсутствует ссылка на «Точное изложение Православной веры» прп. Ин. Дамаскина, на сами труды свт. Григория Нисского, на с. 46 творение свт. Ин. Златоуста цитируется по трудам свт. Игнатия (Брянчанинова) и сборнику «О путях покаяния». Свт. Григорий цитируется по труду митр. Иллариона.

языка XI-XVII вв.», когда следов обращения к нему рецензенту обнаружить не удалось. В любом случае, конечный библиографический список нуждается в ревизии и не должен очаровывать кажущимся множеством использованной литературы.

Впрочем, последний из указанных недостатков непринципиален, вполне может рассматриваться как технический недочет. К их числу позволим отнести и множество опечаток. На фоне большого числа более значимых вопросов, которые вызывает диссертация, эту проблему можно было бы почтить молчанием. Если бы их не было столь много, и это не приводило бы к таким курьезам, как появление на свет несуществующей книги «Воздвижение Креста Господня. Аналогия святоотеческих проповедей» (вместо правильного «антология»). Говоря о внешних недостатках, нельзя не сказать об оформлении сносок в III–X главах, где автор приводит оригинальный текст, славянский и русские переводы. Зачем каждый раз указывать, откуда взят очередной тропарь песней канона, если уже указано, какие издания используются? Зачем давать ссылку на те же самые Минеи и их переводы при анализе отдельных слов? Разумеется, данная рецензия пишется не для заседания издательства. Однако такое ненужное изобилие сносок не позволило разместить в пределах одной страницы тексты ирмосов и тропарей, что однозначно затрудняет их восприятие.

Перейдем, однако, к вопросам более существенным, которые, в частности, вызывают главы I и II. Вопросы, обозначенные в заглавиях этих глав и их разделов, возможно, могут согласовываться с заявленной темой, если не принимать во внимание уточнение темы, данное в скобках. Однако вряд ли их нужно было поднимать в магистерской диссертации, что привело к явному превышению объема, который оговаривается в «Положении о ВКР», существующем в Сретенской семинарии<sup>3</sup>. Но проблема даже не в этом, а в том, что в этих главах нет практически никакого анализа текста, но есть масса огромных цитат<sup>4</sup>. Для подтверждения своей мысли автор приводит сразу целую

---

<sup>3</sup> В положении не указано количество знаков, но сказано о страницах: «Объем ВКР должен составлять примерно 60-100 страниц – без учета возможных приложений» (пункт 4.7). Правда, в «Положении о выпускной работе бакалавра» указан тот же объем: «Объем ВКР должен составлять примерно 60-100 стандартных машинописных страниц» (пункт 4.7). Но в любом случае, мы видим верхнюю границу в нормативах в 100 страниц (параметры набора текста соответствуют). (Тексты положений: <http://sdsmp.ru/magistratura/uchebnyy-protsess/pravila-napisaniya-nauchnykh-rabot/>;  
<http://sdsmp.ru/bakalavriat/uchebnyy-protsess/pravila-napisaniya-nauchnykh-rabot/>)

<sup>4</sup> Конечно, автор диссертации вправе сослаться на указанное «Положение», где в пункте 4.21 сказано: «Общий объем цитирования на одной странице работы не должен превышать 15

стихиру или тропарь канона, а не отдельную фразу. Для примера можно отослать к страницам 22, 25, 26, 32, 36, 40, 65 и др. В результате некоторые страницы содержат просто минимум авторских слов, например, с. 35, 50, 66.

Вряд ли анализом можно признать обрамление из авторских слов, которыми сопровождаются обильно цитируемые богослужебные тексты, если речь идет о таких фразах: «В знак прославления о Кресте также сказано следующее:», «В день праздника поется о прославлении воздвигнутого Креста и освящении им мира:» (с. 36), «Как Моисей прообразовал, почитая Крест, так и Царь Давид воспеваает его в Псалтири» (с. 66. При чем тут царь Давид, если после этой фразы идет текст стихиры тоже непонятно). Иногда автор стремится привлечь мысли отцов Церкви, но это ему удается отнюдь не всегда. Например, как понять следующий пассаж, который, судя по всему, должен передавать мысли свт. Иоанна Златоуста: «Без вести о нем [о кресте] диавол настраивал иудеев против Спасителя. Когда же вознеслось слово о Кресте, те же из них пришли верой ко Христу. До известия о нем была власть смерти над нами, ныне же после проповеди о Кресте, смерти не существует, но жизнь вечная» (с. 31). Раздел «1.3.2. Славословию Бога» является, скорее, не анализом гимнографии праздника, а изложением мыслей различных авторов на означенную тему. Совершенно непонятно содержание раздела «Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в церковной традиции». При обнадеживающем названии мы обретаем несколько разрозненных мыслей.

В результате мы имеем две довольно объемные главы с очень слабым содержанием, которое ожидаешь встретить максимум в курсовых работах, но никак не диссертации на соискание ученой степени магистра богословия. При этом не нужно забывать, что тема исследования звучит так: «Служба Воздвижения Креста Господня (**критический анализ церковнославянского текста**)». Т. е. рассмотрение поэтики текстов службы, их богословский анализ мыслятся самой темой за пределами исследования.

Упомянутое отсутствие логичности в авторском тексте – проблема довольно характерная для рецензируемой диссертации. Автор может употребить такие фразы: «Как можно видеть...» (с. 17), «Отсюда понятно...» (с. 74) хотя из предшествующего текста никоим образом не следует заявляемое. Иногда мысль

---

строк». Однако невольно возникает вопрос, безусловно выходящий за рамки компетенций автора рецензии – как соотносить это положение с фактом, что при заданных параметрах набора текста на странице мы имеем в рецензируемой работе в среднем 20 строк (если страница не содержит заголовков)?

автора просто невозможно понять. Вот пара примеров: «Христианские торжество праздников Церкви переживаются верующими свободно, несмотря на меняющийся исторический контекст, оно, подобно тому, как и в древние века, и сейчас дает импульс всем верующим» (с. 74), «...правильный перевод, как и передача семантики через точность, это еще не весь процесс» (с. 75). Подобного рода места можно приводить далее, важно отметить другое – чем более пространен фрагмент авторского текста без цитат, тем больше подобных действительно «трудных мест». А разве не текст автора диссертации в первую очередь должен быть оценен?

Глава III, в которой, собственно, и содержится заявленный критический анализ церковнославянского текста, есть набор «заметок на полях», возникших при правке текста канона. Это по сути не связанный текст, а изложение наблюдений «справщика» над текстом, описание переводческого во многом процесса, но описание бессистемное.

Каковы принципы анализа и исправления текста, которыми руководствовался автор диссертации? Ответ можно найти следующий: «...Приступая к критическому анализу избранных песней праздничного канона на церковнославянском языке, важно сформулировать ключевые его принципы, основанные на прежде сформулированных подходах к тексту церковнославянского Апостола, что нашло отражение в ряде выпускных квалификационных работ, подготовленных на кафедре древних и новых языков Сретенской духовной семинарии» (с. 81). «Ключевые» (в понимании автора) принципы он излагает, а вот с «прежде сформулированными подходами» читателя не знакомит, а ведь они лежат в основе того процесса, который стал сутью непосредственной работы с богослужебным текстом.

В результате перед нами правка, основанная, во многом на произвольных принципах, которые оформляются автором вводными фразами: «Наиболее подходящим вариантом служит версия архимандрита Августина (Гуляницкого)» (с. 186), «Можно предложить замену слова *воздвѣже* на *нзвѣрлзѣ*» (с. 100), «...у архимандрита Августина (Гуляницкого): *воздѣтелѣ*. На версию последнего и стоит ориентироваться» (с. 194), «Однако стоит использовать существительное *нарѣдн*» (с. 201) (без объяснений почему). Справедливости ради следует отметить, что нередко лексические и синтаксические изменения автор комментирует и объясняет.

Само восприятие автором церковнославянского языка тоже вызывает вопросы. Например, на каком основании автор считает, что формы аориста близки к прошедшему времени современного русского языка? По мнению автора основанием может быть созвучие форм. Но разве причастия перфекта не близки, когда они и есть фактически «наше» прошедшее время? По крайней мере, фраза «...форм аориста, которые в целом все же близки современным формам прошедшего времени: ἵκοκκῶπῆ – совокупил...» (с. 88) в филологической работе выглядит странно. Подобные недоумения можно было бы продолжить, обратимся, однако, хотя бы кратко к анализу автором греческого оригинала.

Греческие слова приводятся без единой системы, иногда в словарной форме, а иногда в той форме, в какой стоят в ирмосах или тропарях, что создает впечатление крайней небрежности (позволю один пример: «πρoκρίνει – выбирать предпочтительно перед другими»). Для каких-то лексем дается буквальный перевод, но чаще он отсутствует. По какому принципу это делается? Почти всегда автор пользуется наблюдениями Скабаллановича над греческим текстом, о чем честно каждый раз извещает. Однако, например, две ссылки на замечательный учебник древнегреческого языка Э. В. Янзиной такой честности не являются. Во-первых, в одном случае страница учебника указана неверно, во-вторых, оба раза это ссылки на словарь учебника, который ничего примечательного не представляет. В-третьих, в одном из случаев автор дает родительный падеж одного слова, но перевод пишет другого, хотя и однокоренного, слова.

Если выйти за рамки этого частного случая, то вновь повторим, что по наблюдениям рецензента при тех редких обращениях к греческому оригиналу почти всякий раз речь идет о заимствованиях комментариев М. Н. Скабаллановича, что само по себе вполне, разумеется, допустимо. Однако в работе над поновлением гимнографического наследия Церкви отсутствие анализа оригинальных, не переводных, текстов представляется недопустимым.

Что касается заключения, то в нем автор, после повторения тем, согласно которым он группировал свои огромные цитаты, просто перечисляет принципы своей работы над текстом. Вряд ли это может признано выводами. Там же говорится, что нужно продолжать исследование, поскольку имеется будто бы два канона праздника, хотя в употребляющейся ныне Минее есть только для 9-й песни второй набор тропарей, о чем, впрочем, автор писал на с. 17 как об особенности канона Воздвижению. Анализ дополнительного ирмоса и трех

тропарей вполне можно было бы включить в рецензируемое исследование.

Конечно, автор заявляет, что не ставит перед собой цель сделать новый перевод канона, но в любом случае, задача, которую он реально выполняет – это создание иного текста, чем звучит в храме (см., напр. с. 94). О конечной цели он прямо пишет: «Это позволило произвести... исправления», «Таким образом, на настоящем этапе была предложен опыт церковнославянского исправления текста канона службы Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня как итог его критического анализа».

Но подобного рода изменения текста не могут выполняться на основе принципов, изложенных в диссертации (или, вернее, почти полного их отсутствия). Она не может выполняться студентами, которые не имеют еще достаточного для этого опыта, ведь речь идет не просто о переводческих пробах студентов... Процесс «улучшения» нашей гимнографии явно требует анализа греческого текста. Замена славянских слов на синонимы должна проводиться систематично, с учетом всего корпуса церковнославянских текстов, а не просто методом случайного выбора, как это можно наблюдать в рецензируемом тексте. В конце концов позволю высказать мысль, что работа, цель которой создать иной текст для использования за богослужением, чем есть сейчас, – не студенческая в принципе. Ее должен выполнять коллектив профессионально подготовленных исследователей с большим опытом работы с текстами: как греческими, так и церковнославянскими. В связи с этим осмелюсь поставить вопрос о целесообразности написания выпускных квалификационных работ подобных рецензируемой, даже если он выходит за пределы дозволенного для рецензента. Ведь автор мыслит себя включенным в некий процесс, выходящий за рамки диссертационного исследования, прямо утверждая, что «в настоящем исследовании на очередном этапе скорректированы основные принципы, которых необходимо придерживаться при критическом анализе богослужебных текстов» (с. 10). О этапах какой работы идет речь?

Однако рецензия писалась на магистерскую диссертацию, а не на «поновленный текст», который тоже может быть объектом рецензирования (и автор этих строк далеко не всегда согласен с предложенными исправлениями). И следует заметить, что даже полноценные переводы, выполненные с языка оригинала впервые не рассматриваются в качестве конечного этапа исследования на соискание ученой степени магистра богословия. Тем более им не может быть поновленный церковнославянский текст. Самого же авторского

текста, написанного грамотно и последовательно, без логических и стилистических ошибок, в данном случае мы почти не наблюдаем. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что автор диссертации смог приобрести определенный опыт, трудясь над осмыслением канона Воздвижению Креста. Результат работы оформлен в предлежащем перед нами опусе, который, несмотря на все замечания, все же может, надо думать, быть основанием для присуждения С. Поличу степени магистра богословия. За анализ текста на доступном уровне, за его «поновление», за попытку описания этого сложного творческого процесса. Если протокол защиты требует конкретной оценки, то, по мнению рецензента, оценкой может быть «удовлетворительно».

доцент кафедры филологии Московской духовной академии  
дьякон Сергей Пантелеев  
22 мая 2020 года